

ПОЭЗИЯ

Двенадцатого июля 2010 года в редакцию пришла бандероль со стихотворениями и письмом, в котором Владимир Макаров, омский поэт и наш постоянный автор, писал: "Сердечный привет и поклон славному коллективу нашего любимого журнала от меня и многих омичей, которые с нами вместе... Высылаю новые стихи, надеюсь на Ваше внимание". А 20 июля Владимира Александровича не стало. Он был прекрасным врачом, истинным поэтом, тонким знатоком и поклонником классической музыки, настоящим русским интеллигентом и патриотом России. В последних его стихах явлены глубокие пророческие прозрения. Как же много талантливых поэтов в России! Вечная ему память.

ВЛАДИМИР МАКАРОВ

БЕССМЕРТНЫЙ ШУМ БЕРЕЗ...

* * *

Жизнь с ее непостоянством
Изменяет всех вокруг.
Поэтическим кумпанством
Мы и держимся, мой друг.

На раздраи невзирая,
Что объяли весь народ,
Трудимся, натурой зная,
Что случится наперед.

МАКАРОВ Владимир Александрович родился в селе Большеречье Омской области в 1938 году. Работал на пристани, а также в районной газете. Окончил Омский медицинский институт. По профессии детский врач. Кандидат медицинских наук. Автор двенадцати сборников стихов. Член Союза писателей России.

И одна грызет забота —
Мысли нынче нележки —
Зря нас сбросили со счета,
Записав всех в чудаки.

Выдадим строкой нелживой —
Скажем, только нас спроси,
Не одной валютой живы
Люди на святой Руси.

Деньги счастья не приносят,
Им в веках придет конец.
А Всевышний перевозносит
Доброту людских сердец.

* * *

Добра и широка
Душа моей России.
И, видя ясный свет
Прекрасного лица,
Немало пышных слов
О ней произносили,
Божились дружбой с ней
До самого конца.

Да вот беда — божба
Подчас была притворной,
И клятвы вместе быть
Давались не всерьез,
О чем предупреждал
Могучих, непокорных,
Простых сынов ее
Вершинный шум берез.

Знал этот древний шум
Нашествие Батыя,
Ливонскую “свинью”,
Французов мерный строй.
Да разве всех сочтешь
Врагов твоих, Россия,
Что смерть тебе несли.
В веках любой порой.

И шум не утихал,
Звучал с тревожной силой
Во всех краях Руси,
На всем ее пути.
Казалось деревьям,
Как дочерям России,
Что дружный шум беду
Поможет отвести.

И нынче слышен он,
Волшебный шум древесный,
Хоть в инее стволы,
Хоть зелена листва,
И чем-то он сродни
Молитве неизвестной,

Да утеряли мы
Священные слова...

Спасите отчий край
От дикой распродажи,
Храните кров родной
От дьявольских угроз,
Чтобы всегда шумел
Над головою вашей
Вершинный шум берез —
Бессмертный шум берез!

* * *

Чернело пасмурное небо,
Но прояснело чуть вдали.
Для нас как не было, так нету
Роднее неба и земли.

Но кто-то в мире забывает,
Хлеб разворованный деля,
Что музыку нам навевает
Всё то же — небо и земля.

Сменились облака местами,
А часть из них ушла в распыл.
И, медленно качнув бортами,
Корабль мелодии поплыл.

ЗНАХАРЬ

Меня, мальчика, с утра зимою
В Михайловку повез отец.
Скрипели сани, под дугою
Пел одинокий бубенец.

Вся в инее была лошадка.
Терялся в елях чистый звон.
Мне под тулупом было сладко
Досматривать домашний сон.

Врач непонятные болезни
Нашел, и на исходе дня
Отец решил: всего полезней
В Михайловку свозить меня.

Всей области известный лекарь
Там жил, хотя не медик был,
В симптомах, видно, не кумекал,
Но травником отменным слыл.

Он был и сеятель, и пахарь,
Знал цену хлебу и овсу,
Но был к тому же сельский знахарь,
Округу пользовавший всю.

Таких поездок было три.
И вот я, мальчик, не болею,

И на лицо я стал круглее,
И стало легче мне внутри.

Не знаю я, скажу вам, право,
Методика чем хороша,
Где заговоры лишь да травы,
Да знахаря того душа.

Прошло десятилетье с гаком,
Я сам с годами стал врачом.
Но, знахарским спасенный знаком,
Мне был тот опыт нипочем.

К чему ж я вспомнил давний случай?
Я в деле был — больных лечил,
Но опыт тот загадкой мучил,
Тот, что я в детстве получил...

Я дома прикрываю веки,
Готовлюсь к вожделенным снам —
Какие силы в человеке
Доселе недоступны нам?

Чего не поняла наука?
О чем умалчивает речь?
Ведь знахарство отнюдь не штука,
Которой можно пренебречь.

И, как поэт о нежной Музе
Мечтает, чтоб явилась вдруг,
Так мы мечтаем о союзе
Народных знаний и наук.

Для нас нет лучшей в мире доли —
Болезни победить навек.
Пусть всё, конечно, в Божьей воле,
Но и не раб — сам человек!

ПЕРЕД ВТОРЫМ ПОТОПОМ

Матушка, Ее Величество —
Всемогущая Природа
Грозное электричество
Посылает с небосвода.

Ослепительные молнии,
Их гигантские зигзаги
О возмездии напомнили
В яви, а не на бумаге.

Вроде и не мать, а мачеха —
Дикой, несусветной силой
Там в лесу убила мальчика,
Там этаж разворотила.

Океанские трагедии —
Тысячи невинных трупов
Люди лишь на миг заметили
Памятью своею глупой.

И опять — за развлечения
В убежденье непреклонном,
Что грядущие мучения
Переадресуют клонам.

Слайды, голограммы, табели
Свирепеют год от года —
Люди скопом испохабили
Все, что создано Природой.

Так какую же молитвою
Улестить ее — кто скажет?
Или новой страшной битвою
Нас она сама накажет?..

* * *

Одиночеством тянет
За версту от меня,
Но душа не устанет
Жить до крайнего дня,
Ждать не чуда какого
И не дружбы какой.
Объяснит мне толково,
Что такое “покой”.
Можно жить одиноким,
Объяснит мне она,
Что нелегкие сроки
Тоже тянет одна,
Но не стонет, не ноет
В незавидной судьбе.
Так живи с ней одною,
Станет легче тебе.
И не вздумай измены
Ей устроить хоть раз,
С ней живи непременно
Каждый миг, каждый час.
Одолеее вместе
Одиночества муть,
Захотите и песню
Как-нибудь затянуть
Про рябину-калину,
Про речные пески,
И напев тот старинный
Вас спасет от тоски...

VIA DOLOROSA

В солнечной Италии, в стране —
Территории земного рая —
Люди польхают, как в огне,
От страстей немислимых сгорая.

Множатся и днем, и в час ночной
Яркие любовные моменты,
И дурманит песня под луной
Все, что движется, — “Вернись в Сорренто!”

И в Сибири мне она близка
Та страна — от Данте до Феллини,
Южной музыкою языка
Согреваюсь я в январской стыни.

Лилии, магнолии и розы,
Не земля — один сплошной букет.
Отчего же *via dolorosa*
Пусть земной зовут здесь с древних лет?

Via dolorosa — путь печали,
Пусть страданий и дорога слез...
Может, так ее повеличали
Римляне когда-то не всерьез.

Но словами этими не шутят
И умеют имена давать
Люди всех племен, чья жизнь, по сути —
Via dolorosa, что скрывать.

А краса пылающих соцветий
И стихов и песен красота —
Нам в подмогу, чтоб нести по свету
Легче ношу своего креста.

Всё же
италийские края
С их святынями — как Божью милость,
Может быть, с небес и узрю я,
Коль при жизни видеть не случилось.

* * *

Я смерти не боюсь, дойдя до края.
Мне некого встречать и провожать.
И мне не страшно, мать — земля сырая,
С ушедшими в одном ряду лежать.

Настанет день такой и час такой,
Когда неслышанным доселе словом
Нас очарует сладостный покой
И соблазнит подобьем жизни новой.

И позабудутся в тот самый час,
Как после процедур анестезийных,
Небесный цвет любимых женских глаз,
Берез сиянье и поля озимых.

Но — главное! — останется душа,
Она в тебе страдание разбудит,
О том, что жизнь была так хороша
И в будущем, пожалуй, лучше будет.

Вот почему оставшиеся дни
Дороже, краше серебра и злата.
И горечь глубже спрячь, что и они
Окончатся, совсем уйдут куда-то.